

ДЕМОГРАФ

Но мстили ему за историю с телефонами или просто отодвигали от управления государством, герр Лауитсен так и не успел понять. Когда машина въехала в городок, на опавшей листве, тонким слоем устлавшей дороги, осталась хорошо заметная колея. - Думал, они здесь поворотливее, - молодой человек в джинсовой паре смотрел на роботов, суетившихся на тротуарах. - При чем здесь это, Валерьян? Коммунальщики убирают раз в сутки. Список приготовил? - старик весьма представительной внешности, его начальник, всегда интересовался утилитарными вопросами. - Всё готово, герр Лауитсен. К четырем людям есть нормальные подходы. - Так, - старик бросил руль, и нимало не заботясь дальнейшей судьбой машины, взял папку, которую Валерьян достал из бардачка, - Пивовар, портовик... Тростейн-алкоголик, этот вряд ли... Зайдём ка мы к Тильде, её мелодрама это всегда многообещающе. Лауитсен углубился в подробности существования почтенной налогоплательщицы. Машина тихо проехала в сторону ближайшей площади и, накинув пару колец вокруг фонтана, аккуратно припарковалась. - Ну что, давай? Валерьян достал очки, очень похожие на солнцезащитные, а Лауитсен помассировал себе висок и вставил в глазницу монокуляр. Они не собирались проваливаться в виртуальность, им нужно было видеть только лицо собеседника. Она же сидела в кресле-качалке на веранде, вязала, и смотрела, как внуки играют на лугу перед большим особняком, в котором её семейство существовало последние семьсот или восемьсот серий. - Госпожа Вэллик? - Что, Юхан? - она хорошо помнила этого депутата и каждый раз голосовала за него. - Может, вы уделите нам полчаса времени? - в виртуальности Лауитсен носил свой реальный облик и казался слишком пройдошливым на окружающем благообразном фоне, - Мы тут поблизости и легко сможем зайти на чашку чаю. - Это так необходимо? - ей совершенно не хотелось покидать электронное бытие. - Я ведь никогда не беспокоил вас по пустякам, госпожа Велик, - депутат умудрился придать себе серьезности и даже значительности, - Лучше обговорить тему у вас дома. Она неопределенно щелкнула спицами, и Лауитсен расшифровал это как согласие. Старик вынул монокуляр и повернулся к своему помощнику. - Успеем договориться Тростейном? - Он сейчас на привале, и скоро там намечается пьянка. - Тогда пивовар. Они снова ушли в виртуальность и провели там четверть часа, пытаясь уломать Кьерсгорда на очный разговор, но тот не соглашался оставить командование - другие виртуальщики из его тинга не поняли бы. Лауитсен закрыл тему. Пора было говорить с госпожой Вэллик. У старика, когда тот вышел на мостовую, обнаружилось умеренных размеров брюшко. Однако живость движений и легкость походки молодили его на добрый десяток лет. Юноша рядом с ним был не слишком высок, однако чрезвычайно худ. Джинсовая пара болталась на нем, как на вешалке. Вокруг были не старые, двухсотлетние дома, а новая застройка - весьма симпатичные коттеджи обсаженные непременно кленами и пихтами. Идти долго не пришлось, госпожа Вэллик жила буквально на другой стороне площади. Дверь открыл симпатичный домашний робот, оформленный под гнома в красном колпаке. - Вас ждут, - он вежливо поклонился вошедшим, указывая рукой в сторону главной комнаты дома. Госпоже Велик по документам стукнуло семьдесят, хотя на первый взгляд она только перевалила через полувековой рубеж. Добрые глаза, искренняя улыбка и парик, скрывавший шунты постоянного контакта. Саркофаг, в котором её тело находилось круглые сутки, стоял где-то рядом со спальней, а машинерия поддерживала не только её тело, но и образцово вела домашнее хозяйство. Во всяком случае, первое, что сказала хозяйка дома: - Позвольте предложить вам чашечку кофе? - и уже отдельно старому знакомому, - Присаживайся, Юхан. - Спасибо. Это мой троюродный племянник, Валерьян. - Какое интересное имя... У вас, молодой человек, такие показательные мозоли на руках и замечательное косметическое шрамирование. - Они настоящие. Я не зарасчиваю рубцы после схваток. -

Эльф, джедай, рамолкин, викинг? - Викинг, с вашего позволения, - он отвесил едва заметный поклон и сел к столу. - Так о чём ты хотел со мной поговорить, Юхан? - она довольно фамильярно улыбнулась старичку, и тот решил больше не изображать постороннего человека. - Понимаешь, Тильда, в Фолькетинге намечается принятие нового закона. О деторождении. - Чего вам еще не хватает, мальчики? - Есть идея обязать всех, кто лег в саркофаги, и не показывается оттуда дольше чем на месяц в каждом году, так вот надо обязать этих людей сдавать генетический материал для его последующего использования, - с самым невозмутимым видом заявил старик Лауитсон. Госпожа Вэллик удивилась и даже не стала это скрывать. - Ну вы там с ума посходили? Как вообще можно рассчитывать на прохождение такого идиотизма? Мужики еще сдадут, да и то, половина испугается исков об отцовстве. А с женщинами вам будет совершенно невозможно. - Ты давно смотрела статистику, Тильда? Сколько старых семей здесь, в Рёдбухавне - чтобы отец, мать, и дети по двору бегали? - Но у меня же внуки вполне настоящие? - Захотят ли они жить в мерзкой реальности, госпожа Вэллик? - заметил Валерьян, - Она ведь так скучна и постыла. - Всё равно не верю, что вы тащите в Фолькетинг подобную дурь. В чем дело, Юхан? - Тогда пусть дают согласие на клонирование. Умер один пользователь и обладатель гражданских прав, рождается другой. Пусть число избирателей останется неизменным. Первый вариант закона провалится с ходу, но за второй проголосуют. - Проблема "цыган", - осторожно заметил молодой человек. - Эти хулиганы и дураки, которые живут по самодельным хибарам? - она засмеялась, и смех её был как настоящий хрустальный колокольчик. Валерьян в ответ сделал равнодушное лицо, к датским любителям естественного образа жизни "цыгане" имели отдаленное отношение. - Тильда, у тебя сама большая клиентела среди домохозяек. - Не льсти мне. - Ну пусть вторая, зато самая уютная. В твоём мире хотят жить тысячи семей, и тебе хватает терпения плести эту гигантскую интригу уже третий десяток лет. - Хватает, - она вздохнула с видом незаслуженного забытого гения, - А чего не достаёт тебе, Юхан? Ты думаешь, я могу кого-то агитировать за такой закон? Лауитсен в ответ засмеялся мелким, икающим, но очень заразительным смехом. Скоро хохотали все трое. Тильда никогда, никого и ни за что не агитировала. Ничего не рекламировала и не протестовала. Уют и мелкие домашние сплетни, лежавшие в основе её виртуального мироздания, совершенно несовместимы с рекламной компанией. Это все равно, пытаться заставить младенца вступить в диспут о ядерной физике - он будет весело "агукать" в ответ, и больше ничего. - Достаточно будет, если ты выскажешься за второй вариант. Не у себя в поместье, а здесь, в реальности. Подпиши этот документ. - И когда дело дойдет до закона о клонировании... - понимающе кивнула госпожа Вэллик. - Я предъявлю твою подпись. Мг? Неужели тебе никогда не хотелось управлять нашим маленьким королевством? Чуть-чуть, для разнообразия? - Ты настоящий соблазнитель, - она улыбнулась. Когда полчаса спустя старик и юноша выезжали из Рёдбухавена, Валерьян был мрачен. - Я полных два дня изображал какого-то там Пьетро, щёголя позапрошлого века, чтобы только на пушечный выстрел подойти к ней. А вы эту Тильду давно знаете. - Зато теперь ты разобрался в её мире и хоть как-то можешь там ориентироваться. - Зачем мне это надо? - Ты же хочешь стать настоящим политиком, а не писать унылые статьи в "Лебединую дорогу"? Надо знать, чем бредят твои будущие избиратели. - Мне так жизни не хватит, узнать всю эту ахинею. - Ты думаешь, что у каждого из двух миллионов наших "клиентов" есть свой уникальный мирок? Пока нет. Они собираются у модных сновидцев и самых известных виртуальных тусовщиков. Изучай каждый такой мир, Валерьян, быть может, однажды тебе придется не то что сутками, а неделями там пропадать. - И вести там агитацию... - Не веришь... - вздохнул Лауитсен. - Почему не верю? Только лучше я буду... - Знаю, что ты к "цыганам" пойдешь. Зря. Незаконные эмигранты ни к чему хорошему тебя не приведут. Ну представь, что ты лег в "саркофаг", как ты будешь смотреть на этих бродяг с плохими зубами? А виртуальность стала вторым домом... - Дядя, я хочу попробовать. Если не с

ними, то с "натуралами". Лауитсен помолчал несколько секунду. Он видел, что родственник уже принял решение, просто не знает, с чего начать. - Недели две ты еще потерпеть можешь? Отлично. Тогда продолжай искать подходы к виртуалам. И уже Валерьян бросил руль, доверив машину автопилоту, и окунулся в очередной сказочный мир - с летающими замками и широкоглазыми героинями. Копенгагена был еще шумным, людным и очень самоуверенным городом. Во всяком случае, центр мог похвастаться настоящей толпой. Лауитсен после многолетней политической карьеры приобрел себе жилье между бульваром Андерсена и Университетом. В своей квартире он бывал едва ли сутки за неделю. Фолькетинг оставался его настоящим домом. Правда, сейчас он не числился в депутатах, но в Социально-Либеральной партии за ним традиционно сохранялось место в президиуме. Если дома делать нечего, а в парламент не пускают - остается только "Жираф". Кулб, приличный во всех отношениях. Кулуарная политика королевства делалась именно там. Лауитсен с утра уселся за свою любимым столик, накрытый бордовой скатертью, заказал завтрак и, ожидая еду только частью своего существования, окунулся во внутреннюю сеть. - Фог, по праздникам? - Когда подвозят? - Неукоснительное соблюдение нулевой доктрины! - Как запустят агрокомплексы, зачем нам эти... Виртуальный гвалт можно было сравнить только с биржей тех времен, когда там торговали живые брокеры. Каждый хотел сказать свое веское слово в нескольких компаниях одновременно, да еще сделать эпохальное заявление - не меньше трех штук в час. Перекрикивать соседа было бесполезно - тот просто делал твой голос тише, потому приходилось брать обилием замечаний. Мелькали фотографии, пиктограммы, живые рисунки. Большею частью обсуждались старые идейные обиды, стратегические размолвки и обыкновенные перебранки. Многие весьма достойные граждане жаловались, что подобное виртуальное безобразие не пристало такому уважаемому заведению, и предлагали установить нормальную программу-модератора. Только каждый раз депутаты аккуратно прорвали эти благие инициативы. Для хорошей политики нужна хотя бы призрачная ругань. В реальности - на всех трех этажах "Жирафа" царила самая благодушная атмосфера. Лауитсен встрял во внутрипартийную дискуссию, допустил пару намеренных утечек информации к консерваторам и радикальным венстре, и стал, особо не стесняясь в средствах, покупать голоса для будущего голосования. - Это ведь будут гигантские инкубаторы, покруче любого сборочного предприятия! Километровые цеха! - А воспитание детей? - Выращивание? - Ну выращивание, один черт. Это же воспитатели, Олаф, мы будем платить им зарплату! А кто у нас сидит на образовательных программах? - Точно. Если люди не потянут, запустим андроидов. - А план не изменится? - Кто тут пишет про изменение плана? - ворох иллюстраций, расчетов, графиков, - Мы ни на йоту не отступим от линии оптимального развития! - Можно внести поправки в законы о сиротстве! - И об обязательном соцобеспечении несовершеннолетних, - довольный голос будущего компаньона. Перспективы новых субсидий и больших социальных программ приятно воодушевляли депутатов - они еще не разучились ценить настоящее золото и реальных, как было политически корректно говорить "половых партнерш/ов". Почти одновременно Лауитсен пытался связаться с Кнутом Понго, специалистом по "цыганам". Тот сам был мулатом и занимался большей частью своими. И теми "натуралами-датчанами", которые решили жить без техники. Удалось далеко не с первой попытки, и диалог вышел довольно-таки скользкий. - Слушаю. - Мне нужны управленческие решения по той общине, которая сейчас живет на острове Самсё. - У тебя не хватит денег. - Ну, Кнут, ты что, стал таким жадным? Хочешь устроить собственный город? - Ты не понял, Юхан, тот городок что на Самсё - Норбю - купил бывший нефтяной шейх. Я не хочу разногласий с ним. - Подожди, подожди, это который стал компьютерной программой? - Да. - Ну ты даешь, Кнут, - засмеялся Лауитсон, - Это же фокус арабского инвестфонда, они же это все придумали, чтобы не платить налогов на наследство папочки. Помер он, помер, можешь не волноваться. Это просто очередные инвесторы, они у нас всегда покладистые,

тебе никто и не заикнется. - А я вот верю, что он живой. - Ну тогда бы все миллиардеры-полутрупы, которые двумя ногами в могиле, но держаться за медицинскую технику, они бы уже в очереди стояли на то, чтобы стать программой, - Лаутсену с трудом удавалось скрывать своё раздражение под маской веселого недоверия, - Не дури, Кнут. - Я-то не думаю дуришь, а ты вот уже очередной бред затеваешь. Чего ты хочешь от общины? - Ничего страшного или опасного, Кнут, даже ничего слишком сложного. Я хочу, чтобы все они пользовались телефонами марки "Нуриксон". Эта община еще не совсем оторвалась от цивилизации, люди просто дали зарок не уходить в виртуальность. Между прочим, её составляли полноправные граждане, и шуточки с их мышлением действительно могли иметь юридические последствия. - Чего? - Я не связан с ними контрактом. Не реклама и ничего похожего. Я не собираюсь заставлять кого-то вешать, голосовать за меня или жениться на свиньях. Мне просто необходим театральный эффект, фокус. Понимаешь? - Нет. - Сделаешь? Выбью для тебя сутки работы Меллеровской лаборатории. В тамошних компьютерах были установлены настоящие искусственные интеллекты, и против такого посула Кнут не мог устоять. - Постараюсь, - осторожно пообещал он и отключился. Лаутсен вышел из всех виртуальных диалогов и прямо на салфетке записал несколько слов. В "Жирафе" можно было потребовать горячего сургуча для настоящих печатей, но бывший депутат не носил перстня-печатки, да и презирал слишком уж явное подражание прошлым эпохам. Он потребовал конверта, вложил туда салфетку и заклеил его, оторвав красно-белую полоску над липкой лентой. Раздражение как рукой сняло, он снова был весел и доволен жизнью на свой стариковский манер. С Валерьяном он увиделся уже вечером, перед приемом. - Плохо дело, - племянник был не в настроении. - Ты не можешь летать на драконе? Плохо держишь ауру или невнимательно дышишь в грязи? - Миры расползаются, - Валерьян был в смокинге, - Суверенность на каждом углу. Вы правильно сказали, дядюшка, "еще нет". Скоро будут два миллиона отдельных вселенных. - А ты чего хотел? - Юхан тоже приоделся, - Ну кто захочет слушать плоские шуточки коллег или близких? Все стремятся к первоклассным развлечениям. Это во времена моей молодости было - одна большая виртуальная игрушка, там тысячи пользователей, по одним правилам бегают и все соревнуются, очки зарабатывают. А без человека за соседней клавиатурой играть скучно, все алгоритмы на раз просчитываются. - Но ведь половинные интеллекты, которых в домашних машинах разрешают держать, они ведь тоже тупые? - Племянничек, ты с трех лет за дисплеем, а до сих пор не понял таких простых вещей? Они же собирают все удачные сетевые выдумки, перерабатывают их и запускают в дело. Игрушка твоя, подстроена под все твои особенности, но одновременно она самая современная. Валерьян уставился на дядюшку. - Это делают люди. - Теперь еще и машины. Всё проходит гладко. Если ты и дальше хочешь человеческого фольклора, нужны хотя бы в умеренном количестве человеческие индивидуумы. Кстати о людях, поддержишь у себя конверт. Вот этот. Нас ждут. Прием у вице-спикера Фолькетинга, Отто Ельведа, всегда был скучной и донельзя официальной церемонией. Ельвед оправдывался тем, что теоретически на прием может внезапно прийти Его Величество, но подобного не случилось уже четверть века, а все по-прежнему обязаны были являться, как во дворец. Это был личный глюк Отто - о делах государственного значения он говорил только в галстук-бабочке. Дядюшке и племяннику пришлось битых два часа шататься по залу, есть маленькими кусочками копченую красную рыбу и такими же маленькими глотками пить аргентинское шампанское. Плюс вежливые разговоры о погоде и мировой политике, да, в придачу, полное отсутствие виртуальности. - Демографическая картина нашего королевства становится тревожнее с каждым годом, - Лаутсен, наконец, смог подойти к вице-спикеру для нормального разговора. - Наслышан о ваших предложениях, - Ельвед посмотрел на собеседника стандартно-дружелюбными глазами, - Я предвижу большую дискуссия в Фолькетинге о двух видах гражданских прав. - Вы имеете в виду право на свободу воли и право на принадлежность к нации? - Несомненно, герр Лаутсен, несомненно. - Замечу,

что экономика нашего королевства держится на социально справедливом потреблении. Без многочисленных заказчиков наши сборочные линии утратят динамику развития. Не в Китай же продавать традиционные датские товары. - Вы сделали очень правильное наблюдение герр Лауитсен. - Прогнозы экономического развития вполне однозначны уже довольно длительный период. Поправки к очередному бюджету, вносимые партиями, мало что могут изменить. Потому нашей деятельности необходим новый решительный импульс. Это было абсолютно истинное заявление, однако на самой на грани корректности - потрясений вообще и решительных импульсов в частности, в королевстве очень не любили. Потому Ельвед в ответ просто улыбнулся. - Мы можем перейти от больших субсидий на рождение детей, которые все равно не эффективны для граждан, к, не побоюсь этого слова, фабричному воспроизводству населения. Так у нас никогда не кончатся избиратели. - Народ Дании в любом случае продолжит своё существование. - Несомненно, - прикрыл глаза Лауитсен, - Но с законопроектом, выдвигаемым Социально-Либеральной партией, мы сможем гарантировать благосостояние среднего класса, этой самой главной опоры общества. - Возможно, - вице-спикер кивнул и повернулся к другому собеседнику. Лауитсен начал понемногу двигаться к выходу. К нему, соблюдая обязательную неторопливость, подтянулся Валерьян. - Я тут слышал, герр Лауитсен, есть проект стандартизации использования государственного флага в виртуальности, - в официальной обстановке племянник старался обращаться к дядюшке по фамилии. - Этот закон уже принят. - Но я не читал ничего такого... - Ты плохо пользуешься поисковиком. Тебе уже скоро двадцаник стукнет, а всё, как школьнику приходится напоминать, - ворчливо заметил Юхан, - Когда говоришь с человеком перед глазами постоянно должно быть ассоциативное меню. Носи очки, заодно и лицо умнее станет. - Какие-то проблемы? - Нерешительность, вот их единственная проблема, - полушепотом произнес Лауитсен, - Всё нормально, Валерьян. А с очками совет выполни. - Но ведь я много читаю, я скоро экзамены сдам на бакалавра, самые настоящие, - племянник придержал для дядюшки большие двери в зал приемов. - Ты слишком хочешь быть похожим на политиков прошлого. Твоя прабабка знала отличную поговорку: учишься не учишься, помрешь идиотом. Хотя сама была очень умной и дальновидной женщиной, - отвратительное настроение вернулось к бывшему депутату. Валерьян ничего не ответил. В круглосуточных "жирафных" посиделках и редких выездов для разговора с очередным потенциальным сторонником - прошло две недели. Первый, явный, таранный вариант закона оброс согласованиями, прошел цепочку подкомитетов и комиссий. Второй, парный, который должен был пройти через брешь, пробитую отказом в принятии первого - тенью следовал за ним. Попадал к тем же людям и в те же комиссии через несколько часов после первого. Правда, с каждым из читавших текст, заранее говорил Лауитсен, приводил подходящие аргументы. Ему не пришлось составлять слишком уж длинных списков. Классической политикой в Дании занималось несколько сотен человек. Хуже было то, что все они знали друг друга, и большая часть давно состояла в легкой ссоре между собой - они могли прийти на один праздник, есть за одним столом, но ох как трудно бывало уговорить их поставить подпись под одним и тем же документом. Валерьян устал много больше. Ему еще не приходилось сталкиваться с таким разнообразием задач. Играл он, сколько себя помнил, и легко приноравливался к очередным правилам - тем более, что в любой программе стояли "интуитивные интерфейсы". Но здесь пришлось изучать историю каждого виртуального мирка, а хронология маленьких игровых вселенных писалась капризами и страхами её творцов. "Поводырь" облегчал ему работу, подсказывал, где можно было взять подсказки, основные алгоритмы. Но все равно, Валерьян был чуждым элементом в игровых мирозданиях. Он нарушал их целостность, своим существованием часто разочаровывал пользователей, мешал некоторым окончательно поверить, что они всего бабочки, которым приснилось человеческое бытие. Племяннику доставались упрёки, на него лились ушаты откровенных оскорблений и капли ядовитых намёков - он ведь

никогда не сумеет правильно приземлиться на башни Архонута, должным образом совершить восьмерной поклон и никогда ему не постичь красоты шонских иероглифов. Валерьян незаметно для себя, но очень сильно возненавидел виртуальность. Впрочем, он еще не отдавал себе в этом отчета, и пока лишь удивлялся разнообразию человеческого хамства и заносчивости. В придачу племяннику приходилось мотаться по всей стране: слишком многие клубы допускали к себе людей только из своей местности. Северная Ютландия, Фюн, Морс, снова Фюн, Фальтер, Борнхольм. Впрочем, на Борнхольм во второй и третий раз он полетел с большой охотой - появилась причина. Эта самая причина по имени Магда, синеглазая и стройная, занимала большую часть мыслей начинающего политика и как-то сама собой вытесняла из его головы воспоминания о множестве неприятных разговоров. Бывший депутат приходил на всё готовое. Юхан являлся на аудиенции к правителям призрачных королевств, случайно встречался в лесу с величайшими охотниками вселенной, просто ждал, когда человек выйдет из "саркофага" или же из "кокона", как любили говорить многие, и можно будет потолковать с уволившимся делопроизводителем или разорившейся торговкой. Бывший депутат умел быть ненавязчивым, легким в общении, почти всегда тонко и остроумно шутил. Он не давил на граждан, просто рассказывал, как будет неплохо, если каждый гарантировано станет комлем маленького геральдического дерева. Или не маленького, если повезет. "Надо ведь что-то оставить после себя? Что может быть лучше своей собственной копии?" Еще Юхан очень много и откровенно льстил, намекая, что дети и внуки обывателей могут стать великим людьми. Его агитация откровенно имела успех. Людям совершенно не хотелось раскошелиться на клонирование и содержание младенцев, не говоря уже об их воспитании. Однако, если королевство платит за всех, то почему бы и нет? Ведь продолжение рода не потребует от них затрат времени - того самого времени, которое можно убить с такой легкостью и приятностью. Голосование должно было пройти во вторник - первый проект - и к среде Фолькетинг выходил на второй. Накануне вечером дядя и племянник играли традиционную партию в шахматы. Лауинтсен, покачиваясь в любимом кресле, подробно описал схему голосования. - Думаешь, в какой раз такой закон идет? Правильно, в двенадцатый. Я его четыре раза раньше протянуть пытался. Консерваторы были против, народники устранились. Они и завтра устроятся. Всем не дает покоя призрак Оберона. - При чем тут сказки? - Все боятся количества детей. Представляешь, сколько своих подданных могут наштамповать разные сумасшедшие? Или твоих, Валерьян, или Петера Мулля откуда-то из северной Ютландии. Тут никаким запретами не спасешься. Если возникнет индустрия, начнутся и подделки, и контрабанда и бог весть что еще. Все боятся подпольного бэби-бума. Идиоты. - Что тут плохого? Будет больше рабочих рук, - пожал плечами племянник, - Они всегда пригодятся. - Тебе шах... Никому они не нужны, эти руки. Только рты. Или ты думаешь, датчане станут вкалывать больше китайцев? Упаси бог меня дожить до такого дня. Все мы в королевстве сидим у наших любимых конвейеров и не хотим, чтобы это круг стал слишком широким. Но ведь он не должен быть слишком узким? Надо бы найти и отрепетировать хорошую речь о предыдущих поколениях. Что-нибудь о славном трудолюбии и благопристойном досуге, - Лауинтсен потер подбородок, будто собирался бриться, - Ты чего такой грустный? - Вчера заходил к родителям, - Валерьян разглядывал позицию медных фигур на янтарной доске, и было видно, что игра внезапно стала ему совершенно неинтересна. - Саркофагов они не заказывали, я бы знал, - Юхан тоже, бывало, заходил к ним, выкурить у камина трубочку и поговорить об истории. Последний визит состоялся уже с полгода назад, как раз когда бывший депутат взял Валерьяна в столицу. - Да. Мне были рады, мама мой любимый торт испекла, с медом. Только они почти перестали различать виртуальное и реальное. Им кажется, что в окна они могут видеть прошлые века, и в зеркала тоже. У них теперь не жизнь, а какие-то бесконечные исторические посиделки. - Твой отец всегда этим грешил. Не бойся, пройдет пара-тройка лет, они стряхнут наваждение. Может, им просто надоест. - Дядя Юхан, мне иногда все равно страшно, как

бы я себя не уговаривал. Мне кажется, что они сдались, окончательно решили расслабиться, - Валерьян закусил губу, - Дом реальный, там привычные вещи и свои запахи, а что делается снаружи, им уже всё равно. Лауитсен, не останавливая кресла-качалки, ловко передвинул слона. - Понимаешь, племянничек, мы все боремся с иллюзиями. От колыбели до могилы пытаемся разобраться в мире. Мы побеждаем только тогда, когда нам есть за что бороться. - Уж больно это пафосно звучит, дядюшка, - грустно улыбнулся Валерьян. - Ну, не знаю. Как для себя говорю. Вот найдут Питер с Еленой новое дело, хорошее, славное, они всегда находили, и вернуться. - Вдруг захотят бороться за права беженцев? - подначил племянник дядюшку. - Бороться за "цыган"? Толку то? Граница на замке. Кто на наш мирок руку подымет, тот головы лишится. Питер не так глуп, если Елена его куда потянет, он все на тормозах спустит. - Но их страдания настоящие - тех, кого держат на границах и ловят по городам? - Дались тебе эти "цыгане". А что до "натуралов", хе-хе... Валерьян, подлинное ощущение вовсе не означают подлинных мыслей. Не веришь? Ты тот конвертик, что я тебе давал, никуда не засунул? - Лежит у меня в сейфе. - Завтра возьми на слушанья. Пригодится. Заседание Фолькетинга всегда напоминало Валерьяну детские посещения торговых центров. Так много вокруг всего интересного, завораживающего, просто забавного - но трогать ничего нельзя. Денег не хватит. Дядя с племянником сидели в кабинете у Торнинга, смотрели заседание по большому настенному экрану, и, понятно, прислушивались к бесконечной "плодотворной и дружеской парламентской дискуссии", которая одновременно шла в сети. Её строчки, набранные зеленым шрифтом, бежали по второму экрану. - Вот, запомни интонации Шлейермахера, когда начинает призывать к добротности жилища - верный признак, что не даст деньги на людей. И "новики" будут голосовать вместе с ним. Призывы к экономии, однако, не были главным предлогом провала первого законопроекта. Больше всего упирали на нравственность, возможные злоупотребления и вероятность инцестов. - Генетический архив королевства еще двадцать лет назад сделали, чего они боятся? - удивлялся племянник. - Правильно, Валерьян, правильно. Жадность и близорукость - мерзкое сочетание. Сразу после полудня законопроект с треском провалился. - Конверт с собой? - дядюшка был в боевом настроении, - Тогда полетели. - Как, куда? - не понял племянник. - Я заказал вертолет на крышу, летим на Самсё, будет серьезный разговор. Валерьян настороженно посмотрел на дядюшку, но прошёл вслед за "герром Лауитсеном". Весь полет до острова, когда под прозрачным полом кабины неслись поля, потом ряды волн, Юхам смотрел вниз и молчал. Боевое настроение не покидало его, и Валерьян решил, что дядюшка слушает Вагнера через наушник. В той части посёлка Норбю, куда они приземлились, он вдруг поменял стиль поведения, будто вышел на сцену. Стал говорливым и улыбчивым корреспондентом, почти что любопытным жизнерадостным идиотом. Абсолютно безобидным старичком, которому надо получить ответы на парочку вопросов. Первой им на пути встретилась женщина средних лет. Будь её костюм чуть более "народным", она казалась бы ряженой, а так выглядела клиенткой хорошего дома моды. - Госпожа Хольмайер? Я слышал, тут отказались от сложной техники? - Именно так, у нас все решили жить нормально. - Но вот я вижу телефон у вас на поясе? - Да, - она достала аппарат из матерчатого кошелька, - Эта вещь, чтобы говорить. Тут нет никакой виртуальности и даже нет фотоаппарата. Камеру и проигрыватели каждому надо покупать отдельно. Она явно любила разъяснять правила общины всем приезжим. - А этот телефон вы давно купили? - Ну... Неделю назад. - Благодарю вас. Потом был рыбак, правда, одетый более современно. - ...и этот телефон фирмы "Нуриксон" вы приобрели? - Позавчера, в семье решили, что всем нужны одинаковые аппараты. И старик. - Чем я хуже молодых, пусть и у меня будет? - он с удовольствием смотрел на модный дизайн. И девчонка. - Прикольный, у мамы выпросила. Так дядюшка с племянником обошли большую часть посёлка, уже в темноте вернувшись к вертолетной площадке. - А теперь Валерьян, прочти мою записку. Мрачный, уже догадавшийся в чем дело, племянник, разорвал конверт и вслух прочитал

несколько строчек, оставленных на салфетке корявым почерком. Юхан смотрел на его обиженное лицо с мрачным удовлетворением. - Теперь ты понимаешь? Нельзя тебе стать настоящим викингом, невозможно вернуться в прошлое. Там у тебя не будет никакой, ну ни малейшей свободы. Только бесконечная роль марионетки, - наставительным тоном читал лекцию герр Лауитсен, - Ты не поймешь, зачем живешь, и зачем умираешь. Ты будешь игрушкой в руках тех, кто еще может контролировать всю нашу технику. Подумай! Нас осталось несколько сотен человек на всю страну, но настоящее можно найти только в государстве, в политике. Еще наука, но там надо учиться до сорока лет и забыть про нормальную жизнь. Остальное сгнило. Понимаешь, Валерьян, сгнило. Пустота и тлен. Бесконечная гонка за новой игрушкой, которую для тебя сконструировали умные дяди с помощью еще более умных программ. Племянник смотрел куда-то в сторону. - Ты просто не осознаешь, как много требуется средств и механизмов, чтобы защитить твоё или мое сознание. И мы получаем усиленную охрану благодаря государству. Обыватели живут без брони на мозгах, они почти все куклы у которых все спланировано до самой смерти. Гипноклипы, внушалки, рекламы или просто уход в никуда - они должны покупать, что им скажут, потому что надо загружать фабрики. Можно всю жизнь штурмовать твой любимый Изенгард, и тебе не станет скучно. Только представь - аттракцион во веки веков. Валерьян молчал и только изредка постукивал кулаком в борт вертолёта. - Я предлагаю тебе наследовать моё место в партии. Это будет не сразу. Не завтра и не послезавтра. Но в нашем королевстве сохранилось маловато должностей, на которых еще можно оставаться человеком. Я прошу тебя стать моим преемником. Племянник посмотрел на дядюшку, но совершенно не удивленным взглядом, а будто бы с жалостью. - Когда это вы видали хоть что-то настоящее в Фолькетинге? У вас тоже нет свободы воли, герр Лауитсен. Только необходимость, которую высчитывают в плановом отделе. Вы тут сказали, что мое сознание хорошо защищено? Значит, моя любовь настоящая. Или я хотя бы могу надеяться, что влюбился по правде. - Влюбился? Когда ты успел? Нашёл время, - бывший депутат, как опытный спорщик, решил сразу не отвечать на скользкий вопрос. - Вы не слушаете, дядюшка, - он еще немного помолчал, - Это всё, конечно, интересно и поучительно, но я не смогу сопровождать вас в Копенгаген. Политика вообще не моё дело. Я это понял. Пока вы телефонными опросами занимались, узнал, что тут катер через два часа. Я отбываю на Борнхольм. У меня там дела. Если вас это утешит, они не связаны с железом и вообще, с ролевыми играми. Он развернулся и ушел к низу холма. Черный пиджак со стоячим воротничком делал его сутулым. - Идиот! Слепой! Птенец! - прокричал вслед дядюшка, - Как остынешь, возвращайся, слышишь!? Но не раньше чем через год! Не раньше!! Лауитсен еще немного покричал вслед племяннику, скрывшемуся за углом первого же дома. Потом нервно засмеялся, оперся левой рукой о вертолет, а правой схватился за грудь. Медицинский браслет уже впрыснул нужные препараты, скоро должно было стать легче. - Дурак. Нет, ну мальчишка, - заговорил он сам с собой, - Ничего, мозги подрастут, гормонов, хе-хе поубавится, сам придет. Протянем еще десяток лет? Поживем. Отчего нам умирать? Только самое интересное время и настает, только всё начинается. Он осторожно, стараясь не дергаться, залез в вертолет, откинулся на сиденье, и представил, как это будет здорово. Тысячи и тысячи детей, воспитанных машинами. По сочиненным заранее программам, по курсам и правилам. Они станут идеальными гражданами. Играть? Пусть играют. Это нынешних взрослых невозможно научить хорошим игрушкам, а с детьми все должно получиться. Новое поколение сможет приспособиться к виртуальному миру, они станут наконец-то ценить не лживые ощущения, а подлинные цифры. Если всё чувственное можно подделать - от короткого наркотического счастья до внушенной гипнозом любви, растянутой на десятилетия - то нет ничего лучше холодной абстракции. Они станут новыми датчанами, оживят королевство, потому как возжелают только самых мощных компьютеров, самых совершенных станков на заводах, самых лучших кораблей в гаванях. Тогда вернётся настоящая политика. А пока надо просто доделать свою работу - взяться за

воспитательные программы, уговорить Мартина и Катерину, что лучшего шанса в педагогике у них не будет. Просто сделать так, чтобы проект не забросили на середине. Ожили мониторы вертолета. Загудели двигатели, пошли мотать свои круги лопасти над головой. Защелкнулись двери. Лауитсен удивленно оглянулся - он не давал команды на взлет. А на мониторах вдруг пошли строчки его разговоров. Будто бы прямо сейчас он дозвонился до Брундзика, одновременно говорил с Кристианом, Шлейермахером и висел в сети "Жирафа". Вполне обычные диалоги, какие он сам вел, бывало, круглыми сутками. Он услышал и свой голос - одновременно в трех вариантах. Вертолет уже шел над морем в сторону Копенгагена, но бывшему депутату почти не было до этого дела. В каждом из разговоров его виртуальный двойник умудрялся сказать какую-то гадость или просто ляпнуть глупость. Не слишком оскорбительную, не такую явную, чтобы собеседник отключился в ту же секунду. Подпустить в голос высокомерия, перепутать имя, намекнуть на непроходимую глупость собеседника - вполсилы, легко и беззлобно. Но Лауитсен лучше других знал, каких слов никогда не прощают его коллеги. За что потом могут годами тихо ненавидеть и проваливать абсолютно всё, что он будет предлагать. Не потому, что глупость в законопроекте, а потому что именно этот человек записал новые параграфы и подзаконные акты. Кристиана сменил Кьерсгорд. Потом Шмидт. Потом Коган. Лауитсен чувствовал себя, как в летающем гробу - и каждый новый диалог оборачивался вербальной подставой. Будто новый гвоздь заколачивали в крышку. Нет, на законопроект о клонировании их желчь не разольется. Его пользу понимают слишком многие, и он ведь так тщательно подготовил общественное мнение. Завтра все пройдет хорошо. Но вот послезавтра он - политический труп. Хорошо, что в вертолете медицинская система была куда как мощнее, чем в ручном браслете. Иначе Юхан бы умер над волнами. А так, уже теряя сознание, он успел понять, что его всё-таки обскакали. Подобные гадости как раз в стиле человеческого сознания, перенесенного в машину.